

НА ВЕРШИНЕ ВДОХНОВЕНИЯ

К. Н. БАТЮШКОВ

Константин Николаевич Батюшков (1787–1855) — один из непосредственных предшественников Пушкина в русской поэзии. Его лира звучала наравне с прекрасным слогом Державина и Жуковского, а особая мелодичность и музыкальность стиха вызывала неподдельное восхищение. «Звуки италианские! Что за чудотворец этот Батюшков!», — восторгался Пушкин. А Белинский, отмечая яркую изобразительность стихотворения «Вакханка», писал: «Это еще не пушкинские стихи; но после них уже надо было ожидать не других каких-нибудь, а пушкинских...»

По выразительности ликующего тона и жизнелюбивого пафоса этому стихотворению трудно подобрать равное. В «Вакханке» поэт наиболее глубоко обнаружил свое стремление творчески проникнуть в атмосферу античности, достиг изумительной пластичности образов:

Стройный стан, кругом обвитый
Хмеля желтого венцом,
И пылающи ланиты
Розы ярким багрецом,
И уста, в которых тает
Пурпуровый виноград, —
Все в неистойвой прельщает!
В сердце льет огонь и яд!

Были и другие стихи с призывами упиваться земными восторгами (характерные для первой половины творчества), искрились умом и талантом блестящие переводы из античной поэзии, был доведенный до совершенства жанр дружеского послания, обязанный именно Батюшкову своей популярностью в русской лирике первой четверти XIX столетия, была многоплановая историческая элегия: «Умиравший Тасс» (собственно историческая элегия), «Переход

через Рейн» (военно-историческая элегия), «На развалинах замка в Швеции» (легендарно-историческая элегия).

Но было и невероятное напряжение всей личности. Известен негодующий ответ поэта на приятельский укор Гнедича: «И впрямь, что значит лень моя? Лень человека, который целые ночи просиживает за книгами, пишет, читает, рассуждает!»

Батюшков вынужден был расплачиваться за свои успехи. Когда он создавал произведение, в котором были гениальные находки, его начинали вдруг волновать и беспокоить недоработки и шероховатости, устранить которые уже недоставало сил. Представляет интерес в этом плане стихотворение «Мои пенаты». Пушкин под явным влиянием «Моих пенатов» написал лицейское послание «Городок» и отметил, что стихотворение Батюшкова дышит каким-то упоением роскоши, юности и наслаждения — слог так и трепещет, так и льется — гармония очаровательна. Вместе с тем он осуждал Батюшкова за чрезмерное увлечение условно-поэтическими образами, заимствованными из античной мифологии: главный порок в сем прелестном послании — есть слишком явное смешение древних обычаев мифологических с обычаями жителя подмосковной деревни.

Показательно, что основным чувством, определявшим душевный и творческий настрой поэта, была мечта. Самое раннее из дошедших до нас его стихотворений, озаглавленное «Мечта», относится к 1802 или 1803 году. Впоследствии он неоднократно его перерабатывал. В этом стихотворении мечта признается основным источником поэтического вдохновения:

Мечтание — душа поэтов и стихов.

Мысль о том, что в мечте — главное счастье человека, пронизывает все творчество Батюшкова первого периода (до 1812 года). Мечтания не оставили его и впоследствии, но они все более окрашивались в тона нарастающего душевного надлома. Считается, что начало скорбным настроениям дали личные огорчения и тяжелые душевные переживания, вызванные любовью без взаимности. Однако для высшего света того времени любовные огорчения не считались вселенской трагедией. Да и прочих переживаний выпало на долю Батюшкова отнюдь не мало. Вспомним, что он участвовал в трех войнах (в 1807 г. — война с

Наполеоном; 1808–1809 гг. — поход в Швецию; 1813–1814 гг. — заграничный поход русской армии и «битва народов» под Лейпцигом), получил тяжелое ранение, был представлен к орденам Станислава и Владимира за храбрость.

Видимо, психический потенциал не был рассчитан на весь спектр впечатлений. Батюшков был глубоко потрясен событиями 1812 года. Отечественная война подвергла жесточайшему испытанию все его жизнеощущение. «Ужасные происшествия нашего времени, — писал он Гнедичу, — происшествия, случившиеся как нарочно перед моими глазами, зло, разлившееся по лицу земли, на всех людей, так меня поразили, что я насилу могу собраться с мыслями...» Постепенно поэт утратил возможность осмысливать свой творческий материал и страдал от того, что не мог довести его до совершенства. Он пытался конструировать нечто объемное, сверкающее и звенящее из элементов сентиментально-романтического стиля, но наплывали конкретные образы реальной действительности и оставались, как болезненные занозы. Так, в стихотворении «Переход русских войск через Неман» условны щиты, брони, копья, колышатся в зыбком идеалистическом мираже «полки славян», но до жути реальны чернеющие на снегу трупы убитых. Скорбные настроения вскоре стали нарастающей нездоровой тенденцией, органически вошедшей в плоть целой череды произведений. «Разлука», «Последняя весна», «К другу», «Пробуждение», «Воспоминание» — во всех этих стихах счастье и наслаждение, которые он воспевал раньше, разбавляются до ничтожных и призрачных присутствий, а самое существенное уже представляется поэту неверным и мгновенным.

Внутреннее неприятие русской социальной действительности преломляется в лирике Батюшкова в образах, казалось бы далеких от реальной жизни. Для того, чтобы передать, насколько отечественная действительность расходилась с мечтой, которую он лелеял в разлуке с родиной, Батюшков как бы отождествляет себя с легендарным древнегреческим скитальцем Одиссеем, достигшим, наконец, заветной цели своих странствий, но... не узнавшим родную страну («Судьба Одиссея»). И это «неузнавание» отчизны было для Батюшкова тем более горьким, чем нетерпеливее было его желание свидеться с нею.

В разных вариациях в творчестве поэта послевоенного периода нарастает и тема скитаний «из края в край». Причины странствий у разочарованного скитальца различны (был бы, как говорится, повод): и стремление заглушить неразделенную любовь («Разлука», «Напрасно покидал страну моих отцов...»), и тщеславные поиски славы («Странствователь и домосед»). Но, по убеждению Батюшкова, «небо чуждое не лечит сердца ран», а для искателя счастья на чужбине может оказаться источником «новых бед». В стихотворной сказке о двух братьях-афинянах сочувствие автора явно на стороне «домоседа» Клита.

Однако идеал Клита «тихохонько с женою век прожить под сенью отчего пената» остался недостижимым для Батюшкова. Покинув военную службу, он на первых порах принимает деятельное участие в петербургской литературной жизни, издает в 1817 году свои «Опыты» в стихах и прозе, но скоро убеждается, что писателю трудно определить свое место в обществе, где самое слово «писатель» звучит еще «дико для слуха».

И опять-таки не случайно возникает в творчестве Батюшкова новая тема — тема судьбы поэта.

«До самой старости преследуемый роком», нищий и слепой создатель героического эпоса Древней Греции Омир (Гомер) вынужден скитаться, нигде не находя пристанища. А младший по возрасту Гезиод (Гесиод), творец дидактического (нравственно-поучительного) эпоса, хотя и получает первенство на состязании певцов, обречен погибнуть от руки злодея («Гезиод и Омир — соперники»).

Элегия «Умиравший Тасс» посвящена трагической участи знаменитого итальянского поэта, чья жизнь была полна тяжких испытаний и злоключений. И умер он тогда, когда несправедливая судьба намеревалась искупить свою вину перед ним: в Риме готовилось пышное торжество, на котором он должен был получить лавровый венок.

Эту элегию Батюшков считал своим лучшим произведением. В ней, как и в написанном несколько ранее стихотворении «К другу», сказались характерные для его умонастроения этого времени мысль о тщете всего земного («Так все здесь суетно в обители сует!») и надежда на «мир лучший» — за гробом. Мистико-романтические мо-

тивы перешли в конце концов в чувство безысходного пессимизма, доходившего до полного отрицания всякого смысла жизни («Ты знаешь, что изрек...»). Последнее стихотворение Батюшкова (1824 год?) несет на себе печать неизлечимой душевной болезни:

Ты знаешь, что изрек,
Прощаясь с жизнью, седой Мельхиседек?
Рабом рождается человек,
Рабом в могилу ляжет,
И смерть ему едва ли скажет,
Зачем он шел долиной чудной слез,
Страдал, рыдал, терпел, исчез.

В библейских книгах упоминается загадочное лицо под именем Мелхиседек — царь Салима, священник, человек «без отца, без матери, без родословия, не имеющий ни начала дней, ни конца жизни». Однако приписанное ему Батюшковым изречение является собственным измышлением поэта.

Ощущение трагизма, психологическое расщепление трансформируются в «черных образах»: черные трупы на снегу, черные знамена, орел, уносящий Омира от Мелеса (черного чудовища). «Черный человек» является в мир Батюшкова как символ неотвратимой беды. Будучи секретарем русской миссии в Неаполе, он оказался в центре различных служебных неприятностей, которые пагубно отразились на его нравственном складе. «Черный человек» (традиционный вестник горя в итальянских и прочих западноевропейских хрониках, заказчик «Реквиема» у Моцарта) окончательно подавил сопротивление сознания и отнял у Батюшкова последние силы, лишил его воли, увел из разумной жизни навсегда. Умер Батюшков в Вологде в 1855 году.

В случае с поэтом, более 30 лет страдавшим психическим заболеванием, наглядно отразились некоторые моменты, способствовавшие трагедии. Даже сегодня человек остается существом в огромной степени иррациональным. Разум контролирует очень узкий срез сознания. И этот срез Батюшков сознательно заполнял самой разнообразной информацией, относящейся к наивысшим достижениям человеческой цивилизации. Античная поэзия, европейская культура, знание классических и современных языков (в том числе и итальянского) — все это не просеива-

лось будто сквозь решето (как у «нормального» человека), а принималось в качестве эталонов, с которыми сравнивалось собственное творчество. И в этом творчестве были достойные образцы, созданные через высшее духовное напряжение.

«Что говорить о стихах моих! — сказал однажды Батюшков. — Я похож на человека, который не дошел до цели своей, а нес он на голове красивый сосуд, чем-то наполненный. Сосуд сорвался с головы, упал и разбился вдребезги. Поди узнай теперь, что в нем было!»

Психический срыв последовал, когда впечатлительное сознание так и не смогло переключиться на вариант рационального функционирования в посильном и разумном режиме.